

форме, т. е. в виде отдельных слов, с указанием на то, какая именно предикация и в отношении чего именно высказывается. Однако в отношении предложения необходимо высказать несколько специальных замечаний.

Во-первых, поскольку предложение является развернутой формой лежащего в основе всякого языка предикцирования, которое в свою очередь диктуется самым общим и необходимым образом как важнейший акт человеческого сознания и мышления, то несомненно этими актами предикцирования (пусть не в такой развернутой форме, как это происходит в предложении) должен характеризоваться весь язык вообще с начала и до конца, а значит — любой специфически языковой знак. На эту тему имеется весьма любопытное исследование польского ученого В. Дорошевского⁵, который прямо говорил, что отдельные аффиксы слова соотносятся между собою точно так же, как соотносятся между собою и члены предложения. Получается, что одни аффиксы при словообразовании играют роль подлежащего, а другие — роль сказуемого. Такая теория вносила бы небывалое синтетическое представление вообще во всю науку о языке. Правда, сам В. Дорошевский нисколько не склонен абсолютизировать свою теорию и сам же формулирует некоторые трудности, с которыми эта теория сталкивается. У нас эту теорию с успехом проводил Б. Н. Головин⁶ и притом независимо от В. Дорошевского. В своей диссертации Б. Н. Головин пишет, что наблюдения над соответствием словообразовательного анализа и синтаксиса «могли бы установить не только очевидные параллели между синтаксисом и словообразованием, но и дали бы очень большой материал для развития учения о синонимии словообразования и других структурных сторон языка»⁷. Б. Н. Головин совершенно правильно утверждает, что «переплетчик» есть «тот, кто переплетает», «глиняный» — «сделанный из глины», «переписать» — «написать заново». И действительно, нетрудно сообразить, что морфема «переплет» в слове «переплетчик» играет роль либо подлежащего, и тогда суффикс «чик» будет играть роль сказуемого в страдательном залоге, и все это слово будет значить «переплет, сделанный переплетчиком». Или морфему «переплет» мы можем толковать как дополнение в соответствующем предложении. И тогда морфема «чик» будет обозначать категорию подлежащего вместе с тем действием, которое совершается субъектом, выраженным в подлежащем. В. Н. Зиновьев, критикующий теорию В. Дорошевского, все-таки признает ее как весьма плодотворную научную попытку⁸.

Что касается нас, то и мы, пока эта теория не доказана абсолютно во всех случаях соотношения словообразования и синтаксиса, тоже считаем эту теорию гипотезой, но не только просто плодотворной, а впервые ясно и в блестящей форме вскрывающей внутреннюю смысловую сущность словообразования и тем самым впервые трактующей грамматическую предикацию в ее универсально языковой роли. Было бы колоссальным достижением науки, если бы каждое отдельное слово уже нужно было считать конденсированным предложением. Теоретически это только и может быть так, но практически и языковедчески это требует обследования весьма больших грамматических материалов.

Во-вторых, никакое предложение не состоит только из каких-нибудь своих членов, которые имели бы свое собственное значение без отношения к предложению как к целому. Если в предложении «столяр сделал табу-

⁵ Doroszewski W. D. Podstawy gramatyki polskiej. Warszawa, 1952, 1973.

⁶ Головин Б. Н. Приставочное внутриглагольное словообразование в современном русском литературном языке. Автореф. докт. дис. М., 1966.

⁷ См. указ. соч.

⁸ Зиновьев В. Н. Проблемы теории словообразования в современной польской лингвистической литературе. — Уч. зап. Горьковского ун-та, 1961, вып. 52, сер. историко-филологическая, с. 362.